

РАЗДЕЛ I
ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ
Part I. PHILOSOPHY OF DEVELOPMENT OF SOCIETY
AND EDUCATION

DOI: 10.15372/PNE20190201

УДК 37.0+378

**ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ:
РЕТРОСПЕКТИВА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В. В. Петров (Новосибирск, Россия)

Введение. В период перехода от индустриальной к информационной траектории развития российская высшая школа столкнулась с серьезным кризисом: с одной стороны, под влиянием внешних факторов в отечественную систему образования внедряются подходы, технологии и практики, которые хорошо зарекомендовали себя в ведущих университетах мира, а с другой стороны, «качественного» прорыва в отечественном образовании пока не происходит. Цель работы – выявить причины, сдерживающие повышение репутации отечественных вузов на мировом образовательном рынке в условиях информационного общества и формирующегося общества знания.

Методология и методика исследования. Для достижения обозначенной цели проведен философский анализ специфики развития отечественной образовательной системы. Метод философской концептуализации позволил представить новый уровень анализа развития образования и преодолеть разрозненность подходов к его исследованию. Социокультурный и культур-философский подходы, применяемые в работе, дали возможность обобщить ценностный характер полученных теоретических материалов.

Результаты исследования. Обосновано, что развитие образования в рамках советской модели серьезно ограничивалось индустриализационным подходом, который не отвечал требованиям информационного общества и формирующегося общества знания, что, в конечном итоге, привело к кризису системы. Обозначены сильные и слабые стороны отечественного образования, которые сформировались исторически и определяют идентичность российской образовательной системы; выявлены положительные элементы

© Петров В. В., 2019

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры социальной философии и политологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: v.v.p@ngs.ru

ORCID: 0000-0003-0511-857X

Vladimir V. Petrov – Ph.D., Senior Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Social Philosophy and Political Science Department of the Novosibirsk State University.

предыдущего опыта развития отечественной образовательной системы, которые могут эффективно использоваться в условиях информационного общества и формирующегося общества знания.

Заключение. Сделан вывод о том, что, если окажется возможной вдумчивая адаптация лучшего отечественного опыта развития университетских систем, удачно реализованная на базе отдельных университетов, к современным социокультурным условиям, это может способствовать интенсивному развитию системы образования в соответствии с требованиями информационного общества и формирующегося общества знания и, как следствие, повышению репутации отечественных университетов на мировом образовательном рынке.

Ключевые слова: информационное общество, общество знания, образовательная политика, образование, наука, университетские системы.

Для цитирования: Петров В. В. Идентичность российской образовательной системы: ретроспектива институциональных трансформаций // Философия образования. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 5–19.

THE RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM IDENTITY: AN INSTITUTIONAL TRANSFORMATION RETROSPECTIVE

V. V. Petrov (Novosibirsk, Russia)

Introduction. During the transition from the industrial to the informational trajectory of development, the Russian system of higher education faced a serious crisis: on the one hand, under the influence of external factors, approaches, technologies and practices were introduced into the national education system that have proven themselves at leading universities in the world, but on the other hand, «qualitative breakthrough» in domestic education is not yet happening. The purpose of the work is to identify the reasons that hinder the increase in the reputation of domestic universities in the global educational market in the conditions of the information society and the emerging knowledge society.

Methodology and methods of the research. To achieve the stated goal, a philosophical analysis of the specific development of the national educational system was carried out. The method of philosophical conceptualization allowed us to present a new level of analysis of the development of education and to overcome the fragmentation of approaches to its study. Socio-cultural and cultural-philosophical approaches used in the framework of the work made it possible to generalize the value character of the theoretical materials obtained.

The results of the research. The paper substantiates that the development of education within the framework of the Soviet model was seriously limited to the industrialization approach, which did not meet the requirements of the information society and the emerging knowledge society, which ultimately led to a crisis of the system. It identifies the strengths and weaknesses of domestic education, which have been formed historically and determine the identity of the Russian educational system; identified positive elements of the previous experience of development of the domestic educational system, which can be effectively used in the conditions of the information society and the emerging knowledge society.

Conclusion. It was concluded that if thoughtful adaptation of the best domestic experience in the development of university systems, successfully implemented on the basis of individual universities, to modern sociocultural conditions, is possible, this can

contributed to the intensive development of the education system in accordance with the requirements of the information society and the emerging knowledge society and as a result, increase the reputation of domestic universities in the global educational market.

Keywords: information society, knowledge society, educational policy, education, science, university systems.

For citation: Petrov V. V. The Russian educational system identity: an institutional transformation retrospective. *Philosophy of Education*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 5–19.

Введение. Многовековой опыт развития высшей школы в условиях социальных трансформаций подтверждает неразрывность функций продуцирования, передачи и хранения знаний, выступающих в информационном и формирующемся обществе знания в качестве общественно значимой информации. Не подлежит сомнению, что способность к производству и освоению фундаментального знания не только является ключевой характеристикой технологического и экономического развития, но и определяет социально-политические, социально-экономические и социально-культурные изменения отдельных стран. От того, как и насколько институт образования способен трансформироваться, во многом зависят последовательность, глубина и интенсивность преобразований в экономике, науке и других общественных институтах. Высшая школа, исторически зародившись внутри формировавшегося социального института образования как завершающая ступень не только трансляции информации и производства знаний, но и создания социально заданного типа личности, постепенно, по мере развития самих обществ, существенно расширила свои социальные функции. Современная высшая школа является единственной структурой, занимающей одновременно такие социальные позиции, как производство информации в форме научных (фундаментальных и прикладных) знаний и на их основе практических разработок, трансляция информации и формирование на этой базе социально заданного типа личности (гражданина и профессионала), а также аккумуляирование, хранение, преобразование в удобный для потребления вид уже имеющейся информации.

В период перехода от индустриальной к информационной траектории развития образовательные системы многих стран столкнулись с серьезным кризисом, что косвенно отражается в системе международных рейтингов, верхние позиции в которых давно и прочно заняты университетами нескольких государств, в то время как остальное большинство (в том числе российские университеты) либо располагается существенно ниже, либо не входит в эти рейтинги вообще¹. Таким образом, проблема, рассматриваемая в нашей работе, может быть сформулирована следующим обра-

¹ *QS World University Rankings* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019> (дата обращения: 05.01.2019).

зом: с одной стороны, под влиянием внешних факторов в отечественную систему образования внедряются подходы, технологии и практики, которые хорошо зарекомендовали себя в ведущих университетах мира, с другой – «качественного» прорыва в отечественном образовании пока не происходит. Соответственно, цель работы заключается в том, чтобы выявить причины, сдерживающие повышение репутации отечественных вузов на мировом образовательном рынке. Поставленная цель определила следующие задачи: во-первых, обозначить сильные и слабые стороны отечественного образования, которые сформировались исторически и определяют идентичность российской образовательной системы; во-вторых, выявить положительные элементы предыдущего опыта развития отечественной образовательной системы, которые могут эффективно использоваться в условиях информационного общества и формирующегося общества знания.

Методология и методика исследования. Для достижения поставленной цели нам представляется целесообразным обратиться к историческому анализу специфики развития отечественной образовательной системы, который базируется на широких философских представлениях и наполнен философским содержанием. В качестве теоретической основы исследования выступают современные теории информационного общества и формирующегося общества знания [1; 2].

Метод философской концептуализации позволил представить новый уровень анализа развития образования и преодолеть разрозненность подходов к его исследованию; культурно-антропологический подход – осуществить анализ процесса развития субъекта образования и его личностную идентичность. Кроме того, для сбора, описания и классификации первичной информации использовался метод анализа документов, источников и др. Социокультурный и культурфилософский подходы, применяемые в работе, дали возможность обобщить ценностный характер теоретических материалов, полученных в ходе исследования. В результате ретроспективного анализа изменений структуры, формы и методов высшего отечественного образования оказалось возможным выявить реформы, оказавшие негативное влияние на развитие российской системы высшего образования, установить причины, по которым они были проведены и обозначить элементы структуры образовательной системы, эффективно работавшие в условиях индустриального общества, но сдерживающие переход российской образовательной системы на качественно новый уровень в условиях информационного общества и формирующегося общества знания, позволяющий ей быть востребованной на мировом образовательном рынке.

Результаты исследования. Как мы обозначали в своих предыдущих работах [3, с. 19], для описания качественно нового этапа общественного

развития в эпоху информационно-компьютерной революции использует теоретическая модель информационного общества (Д. Белл [4], П. Дракер [5], Е. Масуда [6], Э. Тоффлер [7] и др.). Под информационным понимается такое общество, в котором информация превратилась в важнейший ресурс; производство и распределение информации становятся важными экономическим, политическим и культурным видами деятельности [8; 9]. В обществе информация все более осознается как товар, как средство управления отдельной личностью и социумом в целом, как инструмент власти, как оружие в экономической и политической борьбе. О значимости научного (теоретического) знания как структурообразующего фактора социальных изменений писали такие теоретики информационного общества, как Г. Бехманн, М. Кастельс, Ф. Уэбстер и ряд других исследователей (см., напр.: [10; 11]), которые отмечали, что в информационном обществе онтология образования трансформируется коренным образом, поскольку происходит изменение пространства и времени жизненного мира человека.

«Флагманом» развития высшей школы выступают университетские системы, на базе которых обеспечивается тесное взаимодействие науки и образования, что привлекает пристальное внимание не только специалистов, но и всего интеллектуального сообщества [12, р. 278]. Несмотря на то что многочисленные исследователи используют различные подходы, они, тем не менее, сходятся в одном: для того, чтобы оставаться востребованным в условиях знаниевой экономики, университетскому образованию необходимы серьезные адаптивные перемены. Так, Ж.-Ф. Лиотар отмечает устаревание классической университетской модели, обращая внимание на то, что «университет серьезно болен» [13, с. 55]; эксперты международного уровня Л. Демаре и Ж. Плун в Докладе Юнеско² еще в 2005 г. обращают внимание на то, что университету требуются серьезные перемены; в работах И. Б. Ардашкина [14] и Г. И. Петровой [15–17] ставятся под сомнение возможность и необходимость дальнейшего университетского образования в классической исторически сложившейся форме, а Т. Иглтон открыто обозначает проблему «вымирания» классического университетского образования в наше «неклассическое» время³. Основная проблема, которая обсуждается и в западной, и в отечественной литературе [18–21] – идентификация современного университета как университета, отвечающего требованиям информационного общества и формирующегося общества знания. Обозначается, что уни-

² *Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ifar.ru/library/book042.pdf> (дата обращения: 25.02.2018).

³ *Медленная смерть университета* [Электронный ресурс]. – URL: https://scepsis.net/library/id_3672.html (дата обращения 15.01.2018).

верситет «традиционной» классической модели, который был нацелен в прошлом на формирование специалистов, владеющих конкретными умениями, знаниями и навыками, фактически прекратил свое существование [22, с. 47], но он должен уступить место новому университету, нацеленному на создание новых культурных форм и знаний. К сожалению, в формате журнальной статьи невозможно дать полный анализ трансформации университетских систем в каждой конкретной социокультурной ситуации, поэтому мы сфокусируем внимание на отечественной системе высшей школы.

В последнее десятилетие многими реформаторами в качестве успешного и удачного примера приводится советская система образования, структура которой была серьезно деформирована на рубеже XX–XXI вв. в условиях системного кризиса [23, р. 534]. При этом апологетика состояния системы высшего профессионального образования советского времени часто используется отдельными исследователями для того, чтобы артикулировать необоснованность ее реформирования. Однако здесь все далеко не однозначно. Действительно, система организации науки и образования в СССР была одной из лучших в мире, что позволило осуществить серьезный прорыв 1960-х гг. по ряду направлений, но к концу 1970-х гг. эта система начала испытывать существенные затруднения, вызванные различными объективными факторами, что, в конечном итоге, привело к снижению эффективности и утрате лидерства советских институтов науки и образования.

Остановимся на этом более подробно. В вопросе необходимости реформ в советском образовании можно выделить два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, по свидетельствам историков, обсуждение необходимости реформ в советской образовательной системе началось еще в 1970 гг. прошлого века (напомним, что распад СССР произошел «несколько позже» – в 1991 г.). Эти обсуждения проводились не только среди специалистов, но и в широких слоях общества, сопровождаясь многочисленными публикациями в средствах массовой информации [24, с. 18]. Но реформы в сфере образования были необходимы ровно настолько, насколько этого требовало общественное развитие. При этом стимулом реформирования стал переход на постиндустриальную ступень развития, который и определял возможность практической реализации фундаментальных изменений в системе образования. Во-вторых, университетские системы, будучи частью системы высшего образования как социального института, должны были претерпеть системные преобразования в условиях радикального изменения общественного и государственного устройства, поскольку системы образования являются «частными производными» от типа общественного устройства и выполняют вполне определенный набор социальных функций.

В этом смысле изменения в системе образования становятся неизбежными тогда и в такой мере, в какой трансформируется общество в целом. В контексте философии образования мы считаем важным разграничить определения «образовательная политика» и «политика в области образования». Политика в области образования – это общая политика государства, но примененная к отдельной сфере общественной жизни – образованию. Она определяет стратегию образовательной деятельности, ее главные цели и задачи, охватывает всю совокупность мер, которые проводятся государством в отношении образования (включая воздействие других направлений внутренней российской политики: экономической, социальной, информационной и др.). Образовательная политика вырабатывается только применительно к сфере образования, включает тактику развития образования, конкретные цели, задачи, сроки, конкретных людей – организаторов процесса образования. Образовательная политика, в свою очередь, влияет на стратегию образования [3, с. 83].

Напомним, что советская государственная политика в области образования строилась на совокупности следующих базовых принципов и постулатов: во-первых, социальный институт образования в советском обществе выступал функцией не столько общественного, сколько государственного заказа, отражая тем самым специфические особенности государственного устройства СССР. Во-вторых, система образования была ориентирована на формирование компетенций и качеств личности, которые были адаптированы к условиям действующих в стране экономической системы и общественных институтов. Это означает, что образовательные организации в полной мере несли ответственность за формирование «идеологически выдержанной» личности, воспитание которой рассматривалось как важнейшая функция государства.

Что касается компетентностных функций системы высшего профессионального образования, то они ориентировали новые поколения специалистов на тот тип производства и производственных отношений, который сложился на этапе индустриальной модернизации и доминировал в СССР вплоть до его распада. Это была система диверсифицированного и многоотраслевого производства, в основном соответствующая индустриальной стадии развития общества. Структура производства, сложившаяся в СССР, весьма консервативная по своему типу, задавала общие контуры запросов к системе высшего профессионального образования. О становлении и развитии системы высшего профессионального образования в СССР перед Второй мировой войной мы подробно писали в своих предыдущих работах [25; 26].

Развитие высшей школы после Второй мировой войны происходило в рамках сформировавшейся в начале 1930-х гг. парадигмы, где доминировала логика индустриализационного вектора, при этом частично скор-

ректировался внешний контекст развития системы и добавились отдельные компоненты научно-образовательной политики. Однако развитие университетских систем по-прежнему оставалось «на периферии», не до конца оправившись от губительных трансформаций 1930-х гг., в частности, произошло сокращение потенциала фундаментальных исследований, естественное в форс-мажорных условиях военного времени, и еще более возрос прагматизм, прежде всего связанный с развитием прикладных исследований и разработок естественно-научной направленности. Если в 1930-е гг. такое положение вузовской системы имело известные оправдания в контексте решаемых в стране задач ускоренной модернизации и острого недостатка специалистов с высшим образованием, то в послевоенный период столь глубокие межсекторные разрывы представлялись все более нелогичными, хотя предполагалось, что с интенсивным развитием индустриализации перед наукой и высшей школой открываются новые перспективы.

Но реальная ситуация оказалась гораздо более противоречивой. Во-первых, больше возможностей появлялось лишь для тех направлений исследований, которые могли привести к быстрым практическим результатам и не затрагивали фундаментальных, теоретических основ системы знаний, в то время как всей остальной науке (в первую очередь – фундаментальной) необходимо было доказать право на существование. Во-вторых, очень скоро выявилось, что реализованная на практике социалистическая модель экономики включала в себя и такие особенности, как ригидность экономических структур и отсутствие внутренних стимулов к инновациям [27, с. 54]. Эти ограничения носили концептуальный характер и не способствовали востребованности научных разработок в экономике страны за пределами административных директив, что ставило науку как основу инновационного процесса в весьма зависимое и уязвимое положение. Это в полной мере относилось и к высшей школе.

Вузовская система в целом и университетские системы в частности нуждались в оптимизации во многих отношениях: с точки зрения структуры, кадрового наполнения, развития инфраструктуры и материального обеспечения, интеграции с другими секторами науки и реальным производством, а также более эффективного вовлечения вузовского потенциала в процесс научной деятельности. Прежде всего в первые послевоенные годы вузам предстояло компенсировать потери, нанесенные войной. Перечень задач, поставленных перед системой высшего образования, определялся в проектировках пятилетнего плана на 1946–1950 гг.: формулировалась необходимость восстановить и расширить сеть вузов за счет профильных институтов, увеличить выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием. При этом акценты расставлялись на таких отраслях производства, как топливно-энергетическая и метал-

лургическая промышленность, сельское хозяйство, железнодорожный транспорт, сфера среднего образования. Предполагалось также быстро наращивать подготовку профессионалов в области новой техники.

Как следует из этих формулировок, отраслевые приоритеты в развитии высшего образования оставались традиционными для индустриальной стадии экономического развития. По сути, в стране предполагалось восстановить прежнюю, уже устаревшую, структуру производства и обеспечить наполнение ее квалифицированными кадрами. При этом классическое университетское образование, подразумевающее широкопрофильную базовую, в том числе и общегуманитарную подготовку, отходило на задний план. Однако следует отметить, что осознание неэффективности модели организации высшей школы в условиях новых военно-стратегических вызовов послевоенного времени позволило создать отдельные «университетские центры» на территории СССР (в качестве примера мы можем привести так называемую «систему физтеха», которая была реализована на базе Московского физико-технического института (МФТИ)).

В некоторых элементах «система физтеха» воплотилась и в других ведущих вузах страны, ориентированных на передовые (но практически всегда связанные с военно-промышленным комплексом) отрасли науки, техники и технологий, например в МВТУ им. Баумана, МИФИ и ряде других вузов, которые фактически стали по своей организационной структуре первыми отечественными технологическими университетами, отчасти «копируя» MIT (Massachusetts Institute of Technology – Массачусетский технологический институт), но располагались при этом в столичных регионах. На востоке страны к числу университетов «нового типа» с очень высокой степенью условности можно было отнести Томский университет с Сибирским физтехом и Политехнический институт. Отдельного внимания заслуживает проект новосибирского научного центра, «а также некоторые предварительные соображения по созданию институтов второго научного центра в районе Иркутска и других институтов и учреждений Отделения»⁴, предложенные академиком М. А. Лаврентьевым в 1957 г. на общем собрании Академии наук. Основными стратегическими принципами организации городка науки стали следующие: во-первых, комплексность; во-вторых, фундаментальность исследований; в-третьих, опора на молодежь, для чего в научном городке обязательно должен быть исследовательский университет, интегрированный в систему производства фундаментального знания; в-четвертых, практическая реализация научных идей; в-пятых, информационная база; наконец, в-шестых, развитая

⁴ Принципы М. А. Лаврентьева по организации науки и образования и их реализация в Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sbras.nsc.ru/HBC/2000/n47/f4.html> (дата обращения: 20.08.2010).

инфраструктура, удобство и привлекательность научного центра. Позже эти краеугольные принципы, сформулированные как «наука – внедрение – подготовка кадров» получили известность в качестве «треугольника Лаврентьева» [3, с. 167].

Реализация принципов М. А. Лаврентьева, тесно перекликающихся с «системой физтеха» – привлечение в Новосибирск выдающихся ученых и их учеников, выбор актуальных направлений исследований, создание системы подготовки кадров, крупные капиталовложения, – определила высокие темпы становления и развития новосибирского Академгородка. Хотя модель М. А. Лаврентьева по организации научного городка в Сибири начала реализовываться еще в 1950–1960-х гг., на социалистическом этапе развития российского общества, она была ориентирована на постиндустриальный этап развития общества и оказалась настолько удачной, что позволила эффективно развиваться интеграции науки и образования в условиях рыночной экономики. Именно такой подход привел к оптимизации деятельности по развитию университетской системы «нового типа» на базе Новосибирского государственного университета (Национального исследовательского университета) в новых, рыночных отношениях – в период, когда система образования переживает глубочайший кризис, усиливающийся кризисом современной цивилизации, переходящей к новым аксиологическим ориентирам [28, с. 124].

Однако необходимо отметить, что в целом «физтеховские» подходы к организации образования и научных исследований оставались для советской высшей школы совершенно нетипичными, более того, практически эксклюзивными, а примеры их успешной реализации носили единичный характер. В целом же университетские системы продолжали в СССР развиваться «по инерции», ориентируясь на доинформационный этап развития общества.

Именно в этом, а не в частных недостатках организации и управления образовательной сферой, коренилась фундаментальная проблема для российской системы образования в целом и университетов в частности, сохранявшаяся на протяжении второй половины XX в., когда траектории развития передовых стран мира и СССР все более расходились. По мере того как в послевоенные годы экономика США и стран Западной Европы претерпевала глубокие структурные изменения, СССР восстанавливал и сохранял экономические и общественные институты довоенного времени, тем самым оставаясь и с макроэкономической, и с политической точки зрения на индустриальной стадии развития.

Заключение. В результате проведенного анализа мы пришли к следующим результатам. Во-первых, базисные структуры советского общества, определившие траектории развития науки и высшего образования на десятилетия вперед, сформировались в 1930-х гг. Концепция «догоняющей

модернизации» воплотилась в практику посредством политики форсированной индустриализации, нацеленной на максимально быстрое достижение Советским Союзом уровня экономического развития, характерного для передовых стран мира, и приведшей в итоге к огромным социальным и политическим издержкам. Во-вторых, хотя советская модель организации науки и образования была далеко не идеальной, она удовлетворяла запросам общества, находящегося на индустриальной модели своего развития. В-третьих, в условиях перехода к информационному обществу и формирующемуся обществу знания отечественные университетские системы, которые должны быть «флагманом» развития науки и образования, к концу XX в. за редким исключением оказались консервативными и по-прежнему продолжали развиваться «по инерции» в соответствии с требованиями, заложенными индустриальной экономикой, что, в конечном итоге, ускорило как кризис системы образования, так и кризис общественного развития.

Таким образом, возврат к советской модели организации науки и образования в современных условиях оказывается невозможным: онтология советской модели в той или иной степени позволяла развиваться научно-образовательному потенциалу в принципиально иных социокультурных условиях XX в., коренным образом отличающихся от требований общества в XXI в. В свою очередь, если окажется возможным не слепое копирование, а вдумчивая адаптация лучшего отечественного опыта развития университетских систем, удачно реализованного на базе МФТИ, МВТУ, НГУ и ряда других вузов, к современным социокультурным условиям, это может способствовать интенсивному развитию системы образования в соответствии с требованиями информационного общества и формирующегося общества знания и, как следствие, повышению репутации отечественных университетов на мировом образовательном рынке.

Научная новизна проведенного нами исследования заключается в подходе, которым мы воспользовались, а именно: проследили развитие отечественной системы образования во второй половине XX в. с точки зрения ее соответствия требованиям общества и выявили причины, по которым развитие российской образовательной системы сдерживалось в отличие от других ведущих мировых держав. На наш взгляд, трудности, с которыми столкнулась система отечественного образования в период перехода от индустриальной к информационной траектории развития, что косвенно отражается в системе международных рейтингов, вызваны тем обстоятельством, что в условиях изменения интеллектуальных стандартов за счет изначально хорошего потенциала высшей школы происходило увеличение количества подготавливаемых узких специалистов вместо расширения спектра направлений подготовки, определяемых новым витком социального развития.

Соответственно, если окажется возможным не перестраивать в корне национальную систему образования, а адаптивно использовать ее лучшие достижения, это может способствовать не только повышению конкурентоспособности отечественных университетских систем на глобальном рынке образовательных услуг, но и дальнейшему увеличению интеллектуального потенциала. Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что сформулированные положения и выводы могут быть использованы в последующем при изучении проблем развития университетского образования в условиях формирующегося общества знания, а также выявлении факторов, влияющих на формирование научно-образовательного потенциала. Практическая значимость исследования заключается в том, что ряд положений может стать основой для разработки реальных стратегий реформ отечественной высшей школы, а результаты могут быть использованы в процессе принятия управленческих решений в сфере университетского образования. Кроме того, материалы этой работы могут быть положены в основу специальных курсов по социальной философии и философии управления для студентов высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бауман З.** Текущая современность: монография / пер. с англ. С. А. Комарова. – М.: Питер, 2008. – 238 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19650047>
2. **Бек У.** Общество риска: На пути к другому модерну: монография. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20241833>
3. **Петров В. В.** Инновационное образование в современной России. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2012. – 212 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18898701>
4. **Белл Д.** Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/bell.htm>
5. **Drucker P. F.** Post-Capitalist Society. – N. Y.: Harper-Collins Publ., 1995. – 240 p.
6. **Masuda Y.** The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington, 1981. – 171 p.
7. **Toffler A.** Power Shift: Knowledge, wealth, and violence at the edge of the 21st century. – N.-Y., 1990. – 611 p.
8. **Rodríguez D., Busco C., Flores R.** Information technology within society's evolution // Technology in Society. – 2015. – Vol. 40. – P. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2014.08.006>
9. **Zahid G.** Globalization, Nationalization and Rationalization // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 174. – P. 109–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.633>
10. **Anikina E., Ivankina L., Tumanova I.** Human Well-being and Educational Investment Efficiency // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 166. – P. 48–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.481>
11. **Auer R. A.** Human capital and the dynamic effects of trade // Journal of development economics. – 2015. – Vol. 117. – P. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2015.07.004>
12. **Wissema J. G., Djarova J. G.** A New Look at Innovation Policy: Twelve Recommendations // Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy. – 2015. – P. 269–287. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-06474-1_13

13. **Лиотар Ж.Ф.** Знание в постиндустриальном обществе // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2008. – № 4. – С. 54–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11522831>
14. **Ardashkin I. B.** Philosophy of Education as a Social Development Factor: World Trends and Prospects for Russia // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 166. – P. 277–286. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.524>
15. **Петрова Г. И.** Современный университет: сохранение классического наследия и возможность трансформаций // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. – 2015. – № 2 (18). – С. 30–36. DOI: [10.17223/22220836/18/4](https://doi.org/10.17223/22220836/18/4)
16. **Petrova G., Smokotin V., Brylina I., Kornienko Al., Kornienko An., Nikitina Y., Kachalov N.** A Comparative Analysis of Classical and Postmodern Views on the Idea of a University // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 206. – P. 469–473. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.085>
17. **Petrova G., Gural S., Brylina I., Kornienko Al., Kornienko An., Nikitina U., Kachalov N.** Humanitarian Meaning of University Professional Education // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 206. – P. 455–458. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.082>
18. **Ahmed H. O. K.** Flipped learning as a new educational paradigm: an analytical critical study // *European Scientific Journal*. – 2016. – Vol. 12, № 10. – P. 417–444. URL: <http://dx.doi.org/10.19044/esj.2016.v12n10p417>
19. **Gonzalez-Cutre D., Sicilia A., Sierra A. C., Ferriz R., Hagger M. S.** Understanding the need for novelty from the perspective of self-determination theory // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – Vol. 102. – P. 159–169. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.paid.2016.06.036>
20. **West D., Thompson S.** Mobile knowledge: driving a paradigm shift // *Journal of Applied Research in Higher Education*. – 2015. – Vol. 7, Issue 1. – P. 43–54. DOI: [10.1108/JARHE-02-2014-0021](https://doi.org/10.1108/JARHE-02-2014-0021)
21. **Ямпольская Л. И.** Концептуализация классической «Идеи университета» в неклассическом варианте: монография. – Томск: СТТ, 2014. – 228 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22947175>
22. **Барнетт Р.** Осмысление университета // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). – 2008. – № 6. – С. 46–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11582781>
23. **Gounko T., Smale W.** Modernization of Russian higher education: Exploring paths of influence // *Compare*. – 2007. – Vol. 37, № 4. – P. 533–548. URL: <http://sites.mii.edu/comparativeeducation/files/2013/01/Modernization-of-Russian-higher-education.pdf>
24. **Костюк В. Г., Траскунова М. М., Константиновский Д. Л.** Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21200461>
25. **Петров В. В.** Российская образовательная политика: трансформация концепций высшей школы в условиях кризиса // *Философия образования*. – 2017. – № 4 (73). – С. 17–27. DOI: [10.15372/PNE20170402](https://doi.org/10.15372/PNE20170402) <https://elibrary.ru/item.asp?id=30754570>
26. **Петров В. В.** Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // *Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология*. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 65–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25829061>
27. **Гайдар Е. Т.** Авторитарные режимы: причины нестабильности // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 5. – С. 50–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9277789>
28. **Петров В. В., Наливайко Н. В.** Аксиологические основы развития образования в обществе знания // *Философия образования*. – 2015. – № 6 (63). – С. 119–127. DOI: [10.15372/PNE20150612](https://doi.org/10.15372/PNE20150612) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25447726>

REFERENCES

1. Bauman Z. *Flowing modernity*: monograph. Transl. from English by S. A. Komarova. Moscow: Piter Publ., 2008, 238 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19650047> (In Russian)
2. Beck U. *Risk Society: Towards another modernity*: monograph. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2000, 384 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20241833> (In Russian)
3. Petrov V. V. *Innovative education in modern Russia*. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012, 212 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18898701> (In Russian)
4. Bell D. Social framework of the information society. *New technocratic wave in the West*. Moscow: Progress Publ., 1986, pp. 330–342. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/bell.htm> (In Russian)
5. Drucker P. F. *Post-Capitalist Society*. N. Y.: Harper-Collins Publ., 1995, 240 p.
6. Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington, 1981, 171 p.
7. Toffler A. *Power Shift: Knowledge, wealth, and violence at the edge of the 21st century*. New York, 1990, 611 p.
8. Rodríguez D., Busco C., Flores R. Information technology within society's evolution. *Technology in Society*, 2015, vol. 40, pp. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2014.08.006>
9. Zahid G. Globalization, Nationalization and Rationalization. *Procedures – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 174, pp. 109–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.633>
10. Anikina E., Ivankina L., Tumanova I. Human Well-being and Educational Investment Efficiency. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 166, pp. 48–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.481>
11. Auer R. A. Human capital and the dynamic effects of trade. *Journal of development economics*, 2015, vol. 117, pp. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2015.07.004>
12. Wissema J. G., Djarova J. G. Twelve Recommendations. *The Globalizing Economy. Public Administration, Governance and Globalization 13*. Switzerland: Springer International Publishing, 2015, pp. 269–291. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-06474-1_13
13. Liotar J. F. Knowledge in the post-industrial society. *Alma mater (Herald of Higher Education)*, 2008, no. 4, pp. 54–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11522831> (In Russian)
14. Ardashkin I. Social Development and Social Development Factors: World Laws and Prospects for Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 166, pp. 277–286. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.524>
15. Petrova G. I. Modern University: the preservation of classical heritage and the possibility of transformation. *Tomsk State University Bulletin. Cultural studies and art history*, 2015, no. 2 (18), pp. 30–36. DOI: [10.17223/22220836/18/4](https://doi.org/10.17223/22220836/18/4) (In Russian)
16. Petrova G., Smokotin V., Brylina I., Kornienko Al., Kornienko An., Nikitina Y., Kachalov N. A Comparative Analysis of Classical and Postmodern Views on the Idea of a University. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 206, pp. 469–473. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.085>
17. Petrova G., Gural S., Brylina I., Kornienko Al., Kornienko An., Nikitina U., Kachalov N. Humanitarian Meaning of University Professional Education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 206, pp. 455–458. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.082>
18. Ahmed H. O. K. Flipped learning as a new educational paradigm: an analytical critical study. *European Scientific Journal*, 2016, vol. 12, no. 10, pp. 417–444. URL: <http://dx.doi.org/10.19044/esj.2016.v12n10p417>
19. Gonzalez-Cutre D., Sicilia A., Sierra A. C., Ferriz R., Hagger M. S. Understanding the need for novelty from the perspective of self-determination theory. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 102, pp. 159–169. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.paid.2016.06.036>
20. West D., Thompson S. Mobile knowledge: driving a paradigm shift. *Journal of Applied Research in Higher Education*, 2015, vol. 7, issue 1, pp. 43–54. DOI: [10.1108/JARHE-02-2014-0021](https://doi.org/10.1108/JARHE-02-2014-0021)

21. Yampolskaya L. I. *Conceptualization of the classic «Ideas of the University» in a non-classical version: a monograph*. Tomsk: CTT Publ., 2014, 228 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22947175> (In Russian)
22. Barnett R. Understanding the University. *Alma Mater (Bulletin of Higher Education)*, 2008, no. 6, pp. 46–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11582781> (In Russian)
23. Gounko T., Smale W. Modernization of Russian higher education: Exploring paths of influence. *Compare*, 2007, vol. 37, no. 4, pp. 533–548. URL: <http://sites.mii.edu/comparativeeducation/files/2013/01/Modernization-of-Russian-higher-education.pdf>
24. Kostyuk V. G., Traskunova M. M., Konstantinovskiy D. L. *Siberian youth: education and choice of profession*. Novosibirsk, 1980, 192 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21200461> (In Russian)
25. Petrov V. V. Russian educational policy: the transformation of the concepts of higher education in crisis conditions. *Philosophy of Education*, 2017, no. 4 (73), pp. 17–27. DOI: 10.15372/PHE20170402 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30754570> (In Russian)
26. Petrov V. V. Organizational culture of the production of fundamental knowledge in the conditions of systemic transformations: Russian specificity. *Humanitarian vector. Series: philosophy, cultural studies*, 2016, vol. 11, issue 2, pp. 65–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25829061> (In Russian)
27. Gaidar E. T. Authoritarian Regimes: Causes of Instability. *Social Sciences and Modernity*, 2006, no. 5, pp. 50–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9277789> (In Russian)
28. Petrov V. V., Nalivayko N. V. Axiological basis for the development of education in the knowledge society. *Philosophy of Education*, 2015, no. 6 (63), pp. 119–127. DOI: 10.15372/PHE20150612 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25447726> (In Russian)

Received March 12, 2019

Поступила: 12.03.2019

Accepted by the editors May 14, 2019

Принята редакцией: 14.05.2019